

ОДИНОЧЕСТВО ПОЖИЛЫХ СОВЕТСКИХ МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

П.О. Годау

Свободный университет Берлина,
Германия

В статье рассматривает уровень одиночества пожилых советских мигрантов в Германии, сам по себе и в сравнении с уровнем одиночества пожилых немцев. Исследуются социальные сети, в которых задействованы пожилые люди, поскольку этот аспект является одним из возможных предсказателей и показателей уровня одиночества.

Ключевые слова: одиночество, старение, миграция, социальные сети, советские мигранты.

От одиночества страдает большая часть пожилого населения. Исследования сообщают, что до одной трети всех пожилых людей либо умеренно, либо тяжело одиноки¹. Это всего лишь одна из проблем, которая выходит на передний план по мере того, как наш мир стареет. По данным Организации Объединенных Наций, в 2050 году впервые в истории число пожилых людей в мире – тех, кому за 60, превысит число молодых – тех, кто моложе 15 лет². Таким образом, предотвращение одиночества среди пожилых становится неотложным приоритетом.

Большое количество исследований существует относительно пожилых людей и их конкретных проблем. Тем не менее пожилые мигранты, как отдельная группа, пока удавались немногим вниманием в научной литературе. А тем временем уровень миграции все время растет, а это

выносит проблемы пожилых мигрантов на передний план. Иммиграция – очень напряженный процесс. Она связана с потерей и разрушением существующих социальных сетей, трудностями построения или нахождения новых сетей в новой стране, адаптацией и языковыми проблемами. Все вместе эти стрессы могут усилить риск одиночества. Было установлено, что уровень одиночества значительно увеличивается за счет иммиграции³ и 21 % одиноких мигрантов впервые становятся одинокими только после иммиграции⁴. Таким образом, пожилые иммигранты через различные стрессы, которые непосредственно связаны именно с иммиграцией, могут оказаться под повышенным риском одиночества, чем пожилые местные жители, что и является центром внимания данного исследования.

³ Tartakovsky E. The Psychological Well-Being of Unaccompanied Minors: A Longitudinal Study of Adolescents Immigrating From Russia and Ukraine to Israel Without Parents / E. Tartakovsky // Journal of Research on Adolescence. – 2009. – № 19(2). – S. 177–204.

⁴ Safro S. Immigration Related Psychological Distress Syndrome Associated with Loneliness / S. Safro, P. A., Y. Ginath, M. Ritsner // European Psychiatry. – 1996. – № 11(Supplement 4). – 366s–366s(361).

¹ Newall N. Causal Beliefs, Social Participation, and Loneliness Among Older Adults: A Longitudinal Study / N. Newall, J. Chipperfield, R. Clifton, R. Perry, A. Swift, J. Ruthig // Journal of Social and Personal Relationships. – 2009. – № 26(2–3). – S. 273–290.

² United Nations. World Population Ageing: 1950–2050. – New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division, United Nations, 2002.

Для того чтобы говорить об одиночестве, нам в первую очередь необходимо определить, что именно мы подразумеваем под этим термином. Одиночество включает в себя те негативные чувства, которые возникают в связи с отсутствием отношений, или когда количество таких отношений меньше, чем того бы желалось. Одиночество следует отличать от социальной изоляции, которая связана с отсутствием связей с другими, и ее можно объективно измерить по размеру социальной сети человека⁵. Таким образом, одинокие люди не обязательно являются социально изолированными, и наоборот. Кроме того, мы различаем эмоциональное и социальное одиночество. Эмоциональное одиночество – это отсутствие близких людей, таких как, например, супруг(а) или лучший друг, в то время как социальное одиночество – это отсутствие широкой социальной сети, которая включает в себя друзей, соседей, общественные связи и т. д.⁶

Одиночество не является сугубо личным переживанием, как и следует ожидать, но переживанием всех ячеек социальной сети. Обратная связь (*inverse association*) была обнаружена между размером сети и социальной изоляцией⁷, где меньшие социальные сети являются предсказателем одиночества. Из того, что пишет Сасиорро и его коллеги⁸, одинокие люди, как правило,

связаны с другими одинокими в социальных сетях. Вместе они с течением времени, как правило, становятся еще более одинокими, уменьшая и связи этих лиц с другими в сети. Не удивительно, что одинокие люди, как правило, встречаются в основном на периферии социальных сетей. Социальные сети необходимы для поддержки хорошего настроения и для предоставления смысла существования человека. Именно поэтому их присутствие имеет жизненно важное значение, когда мы касаемся проблемы одиночества.

Был обнаружен целый ряд факторов, которые влияют на уровень одиночества среди пожилых людей. Это возраст (старше = более одинок), пол (женщина = более одинока), общее состояние здоровья (чем хуже здоровье, тем сильнее одиночество), социально-экономический статус (более низкий статус = более одинок), семейное положение (замужем = менее одинок) и наличие детей (дети = менее одинок). Конечно, эти же самые факторы риска влияют и на мигрантов пожилого возраста. Тем не менее в силу своего статуса меньшинств и тех переживаний и стрессов, которые они пережили в постмиграционный период, становится более вероятным, что они столкнутся с некоторыми уникальными испытаниями в старости. Это могут быть негативные события, такие как потеря статуса за счет иммиграции; ассимиляция в незнакомом обществе, которое часто может быть напряженным, а также, возможно, дополнительное бремя низкого уровня жизни⁹. Такие факторы, как возраст и свежесть ми-

⁵ Jong-Gierveld J. de Developing and Testing a Model of Loneliness / J. de Jong-Gierveld // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – № 53(1). – S. 119–128.

⁶ Jong-Gierveld J. de Cross-national Comparisons of Social Isolation and Loneliness: Introduction and Overview / J. de Jong-Gierveld, B. Havens // *Canadian Journal on Aging*. – 2004. – № 23(2). – S. 109–113.

⁷ Там же.

⁸ Cacioppo J. Alone in the Crowd: The Structure and Spread of Loneliness in a Large Social Network / J. Cacioppo, J. Fowler, N. Christakis // *Journal*

of Personality and Social Psychology. – 2009. – № 97(6). – S. 977–991.

⁹ Shemirani F. Aging in a Foreign Country: Voices of Iranian Women Aging in Canada / F. Shemirani, D. O'Connor // *Journal of Women & Aging*. – 2006. – № 18(2). – S. 73–90.

грации, потеря социального и социально-экономического статуса, а также изменения в структуре социальных сетей являются спецификой именно мигрантов.

Возраст на момент миграции и свежесть миграции положительно коррелируют с уровнем психологического стресса¹⁰. Мигранты, которые родились в стране происхождения (в отличие от детей мигрантов, родившихся в новой стране), имеют меньше социальных сетей и чаще ощущают себя одинокими¹¹. Пожилые люди нуждаются в более длительном периоде адаптации к новой стране и культуре, чем те, кто младше. Иммиграция – это разрыв долгих социальных связей в родной стране и их замена различными стрессами, которые встречаются в незнакомой, а иногда и враждебной среде. Это, например, непосредственная необходимость изучать новый язык, адаптация к новым обычаям и нормам, ознакомление с новой системой здравоохранения, и т. д. Физический и когнитивный спад, который приходит с возрастом, делает более трудным для пожилых иммигрантов возобновление прежнего уровня трудовой и социальной жизни. Они также имеют меньше времени для создания социальных сетей в новой стране, что, в свою очередь, означает, что их сети могут оставаться усеченными навсегда¹².

¹⁰ Aroian K. Gender Differences in Psychological Distress Among Immigrants from the Former Soviet Union. *Sex Roles* / K. Aroian, A. Norris, L. Chiang. – 2003. – № 48(1/2). – 39–51.

¹¹ Ajrouch K. Social Isolation and Loneliness Among Arab American Elders: Cultural, Social, and Personal Factors / K. Ajrouch // *Research in Human Development*, 2008. – № 5(1). – 44–59.

¹² Angel J. Age at Migration, Social Connections, and Well-Being Among Elderly Hispanics / J. Angel, R. Angel // *Journal of Aging and Health*. – 1992. – № 4(4). – 480–499.

Иммиграция для пожилых людей может прийти с потерей статуса и авторитета. Наряду с покиданием имущества и профессии пожилые мигранты часто теряют свой статус в обществе, который давал им чувство идентичности (*identification*) в стране происхождения. Это может привести к проблемам в семье, где молодое поколение уже приняло новую культуру и обычаи, а пожилые люди, которые перестали быть точкой отсчета для консультации по вопросам ценностей и морали, остаются с чувством отчуждения¹³.

Очень часто иммигранты находятся в более плохом финансовом положении по сравнению с местными жителями. Это может быть связано с тем, что личные вещи были оставлены на родине, с проблемами в поиске работы или с тем, что денежные сбережения оказываются незначительными, когда переводятся в новую валюту. Для пожилых мигрантов найти любой вид работы может быть очень трудно или совсем невозможно из-за отсутствия языковых знаний¹⁴. Это часто означает, что они должны полагаться на финансовую поддержку со стороны государства, как, например, государственные пенсии, с которыми они автоматически попадают в нижние слои по уровню дохода. Такой неблагоприятный социально-экономический статус часто делает пожилых иммигрантов уязвимыми для депрессии и других психических расстройств¹⁵.

¹³ Weisman A. Improving Mental Health Services for Latino and Asian Immigrant Elders. *Professional Psychology: Research and Practice* / A. Weisman, G. Feldman, C. Gruman, R. Rosenberg, R. Chamorro, I. Belozersky. – 2005. – № 36(6). – 642–648.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Lai D. Impact of Culture on Depressive Symptoms of Elderly Chinese Immigrants / D. Lai // *Canadian Journal of Psychiatry*. – 2004. – № 49(12). – 820–827.

Семья играет очень важную роль для мигрантов. Это может быть одной из основных причин для иммиграции (например, чтобы воссоединиться со своими детьми). Дети являются важным источником эмоциональной и материальной поддержки – особенно когда мигранты пожилого возраста имеют проблемы ухода за собой. Для многих дети являются единственным источником помощи – как инструментально, так и эмоционально¹⁶. Когда семейная поддержка недоступна (например, когда у детей высокие требования на работе или когда члены семьи заняты собственными проблемами адаптации и решением пост-переселенческих проблем), многие иммигранты чувствуют себя изолированными и одинокими¹⁷.

Howard Litwin¹⁸ в исследовании по поводу сдвигов в социальных сетях пожилых советских мигрантов в Израиле обнаружил, что большинство пожилых мигрантов по прибытии в Израиль формируют домохозяйства, где несколько поколений живут под одной крышей. Большинство этих мигрантов испытывают сдвиг в сторону социальных сетей, которые включают в себя больше членов семьи, нежели друзей, соседей и т. п. Социальные сети до иммиграции являются сетями по выбору, а сети после иммиграции – сетями по необходимости, где люди вынуждены больше полагаться на ближайших членов семьи из-за отсутствия расширенных социальных связей. Это такие домохозяйства, где несколько по-

колений живут вместе, предоставляя возможность для регулярного общения в кругу семьи. Также они приводят к снижению одиночества, стресса, облегчают аккультурацию¹⁹ и улучшают общее благосостояние пожилых людей.

Теперь мы обратимся конкретно к советским мигрантам в Германии. Одиночество можно рассматривать как выражение отношения человека к обществу. Таким образом, вполне естественно, что есть культурные различия в том, как люди испытывают и справляются с одиночеством. Логично полагать, что страна происхождения влияет на основные аспекты одиночества²⁰.

До революции 1917 года в Советском Союзе до 80 % семей проживали в деревнях и нормой являлось то, что до трех поколений жили под одной крышей. Сыновья жили в доме отца до женитьбы и до того, пока они не построили свой собственный дом²¹. Когда, наконец, сыновья переезжали в свое жилье, оно, как правило, было географически близко, часто в той же деревне, традиционно сохраняя сильные родственные связи. Урбанизация, которая произошла в 1950-х и 1960-х годах, пришла с сильным притоком людей из деревень в города. Это создало огромный дефицит жилья, в результате чего несколько семей были вынуждены жить вместе в одной квартире, а иногда и в одной комнате. Кроме того, политические преследования «врагов народа» в сталинскую эпоху оставили людям воз-

¹⁹ Angel J. Указ. соч.

²⁰ Rokach A. The Loneliness Experience in a Cultural Context / A. Rokach, M. Sharma // Journal of Social Behavior and Personality. – 1996. – № 11(4). – 827–839.

²¹ Höllinger F. Kinship and Social Networks in Modern Societies: A Cross-Cultural Comparison Among Seven Nations / F. Höllinger, M. Haller // European Sociological Review. – 1990. – № 6(2). – 103–124.

возможность «свободы слова» только в очень узких кругах, в первую очередь с ближайшими членами семьи. Таким образом, семья является очень важной, если не самой важной ячейкой социальной сети для людей из бывшего Советского Союза, и разрыв или изменение этих сетей за счет иммиграции должны принести огромный стресс пожилым людям.

Проблему советских мигрантов в Германии можно рассмотреть сквозь призму индивидуализма и коллективизма. Индивидуализм – это система ценностей, которая отдает приоритет личной самостоятельности и самодостаточности, а при коллективизме приоритет отдается поддержанию социальных связей с другими членами общества. Германия считается достаточно индивидуалистичной, а Советский Союз в силу влияния коммунизма XX века стал коллективистским обществом. В бывшем Советском Союзе люди должны были думать прежде всего о партии и государстве, которые, в свою очередь, должны были заботиться и обеспечивать отдельных людей.

В идеальном индивидуалистическом обществе люди должны быть самодостаточными и независимыми. Индивидуалистические общества, которые ценят независимость и индивидуальность, должны поощрять тех пожилых людей, которые остаются независимыми как можно дольше. Такие пожилые люди в ответ чувствуют себя менее одинокими в таком обществе. С другой стороны, коллективистские общества, которые основаны на группах людей, зависящих друг от друга, поощряют близость и взаимозависимость в семье. Субъективные ощущения одиночества могут возникнуть, когда людям из стран с коллективистскими системами ценностей не предоставля-

ется возможность поддерживать социальные контакты, необходимые для реализации этих ценностей. Такое несоответствие может возникнуть, если мы рассматриваем вопрос иммиграции там, где советские переселенцы из коллективистского общества переезжают в индивидуалистическую Германию. В такой ситуации люди из СССР хотели бы оказаться рядом со своими семьями, и в том случае, если это невозможно (если, например, дети уже приняли индивидуалистические независимые взгляды), произойдет внутренний разлад, который может привести к чувству одиночества.

Основной вопрос, который возникает на данном этапе, это являются ли пожилые советские мигранты действительно более одинокими, чем пожилые немцы. В частности, уровень социального одиночества должен быть выше среди советских мигрантов, так как размер их социальных сетей, вероятно, будет меньше за счет иммиграции. Различия также должны быть найдены в самом составе социальных сетей. Учитывая важность семьи для советских мигрантов, их социальные сети теоретически должны включать в себя больше членов семьи, а у немцев в сетях должно быть больше друзей. Кроме того, если мы обнаружим разницу в уровне одиночества, то важно будет проверить, является ли тут содействующим сам статус мигранта как таковой. Так же убеждения об ответственности должны отличаться в этих двух группах. Благодаря своему коллективистскому настрою советские мигранты должны чувствовать, что они не несут ответственности за то, что с ними происходит. А немцы, являющиеся продуктом индивидуалистического общества, должны чувствовать себя более ответственными за события в их жизни (например, в том, что они одиноки).

Исследование, представленное в последующей части этой статьи, было проведено с использованием вторичного анализа данных. Данные были предоставлены автору Немецким центром по вопросам старения в Берлине. Эти данные были получены в рамках исследования 2002 года о жизненных ситуациях людей Германии. Сбор данных включал в себя интервью и заполнение анкет, которые были представлены участникам на немецком языке. Таким образом, необходимым условием для успешного участия в этом исследовании была возможность говорить по-немецки или, по крайней мере, иметь при себе человека, который мог бы помочь. Из общего числа участников 1891 были в возрасте 60 лет и старше, они в соответствии с определением старости Организацией Объединенных Наций²² представляют нашу целевую возрастную группу. Из них было 1545 немцев и 41 советских мигрантов, которые успешно ответили на часть вопросов анкеты, связанных с одиночеством. Эти 1586 людей и являются фокусом данного сравнительного исследования.

В результате статистического анализа (подробности которого автор представит по запросу) изначальные гипотезы и предположения оправдались. Советские мигранты оказались значительно более одинокими, чем немцы. Они были значительно более эмоционально и социально одиноки. Размер социальных сетей – самый большой показатель одиночества. Были выявлены значимые связи между размером социальной сети и уровнем одиночества. Для немцев меньший размер сети был связан с более высоким

уровнем социального и эмоционального одиночества, в то время как среди советских мигрантов меньший размер сети относился только к более высокому уровню социального одиночества. Это интересно, так как этот результат поддерживает классическое определение такого социального одиночества, которое связано с отсутствием широкой социальной сети. Это указывает на то, что для советских мигрантов эмоциональное одиночество более или менее независимо от размера социальной сети, что не является таковым для немцев.

С точки зрения различий в структуре предсказателей одиночества между советскими мигрантами и немцами, единственной общностью была целенаправленная решительность, которая была самым большим значимым предсказателем для обеих групп. Это не удивительно, так как убеждения собственной ответственности влияют на уровни взаимодействия и общения с другими людьми. Кроме того, в соответствии с прогнозами советские мигранты имели более низкие показатели по целенаправленной решительности, указывая на то, что они были менее решительны в достижении своих целей в жизни и ощущали меньше ответственности за то, что с ними происходит. Немцы в соответствии с ожиданиями индивидуалистического общества были в этом более решительными. Среди обеих групп целенаправленная решительность и одиночество были связаны друг с другом, и те люди, которые были более решительными для достижения своих целей, были менее одинокими. Предположительно это были такие типы людей, которые были более активны во встречах с другими людьми, а не те, кто пассивно страдал

²² United Nations. World Population Ageing: 1950–2050. – New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division, United Nations, 2002.

от одиночества и полагался на удачу или другие воздействия извне.

В то же время в отличие от гипотез, поставленных выше, не было найдено различий в размере и составе социальных сетей среди обеих групп. Люди обеих групп имели от четырех до пяти человек в их сетях и схожие пропорции членов семьи и родственников, а также друзей и других. Это странно, потому что, учитывая важность семьи для советских мигрантов, ожидалось, что они будут иметь значительно более членов семьи в их сетях, а немцы будут иметь больше друзей. Возможной причиной этого может быть то, что советские мигранты, принимавшие участие в данном исследовании, могли быть непредставительными для этой группы мигрантов в целом в связи с требованием владения немецким языком, необходимым для участия. Таким образом, советские переселенцы из этого исследования должны были провести уже значительное количество времени в Германии, имея больше возможности для адаптации, сами становясь уже более «немецкими».

Что касается состава семьи в целом, то, хотя число детей было схоже среди советских мигрантов и немцев, советские мигранты имели значительно больше внуков. Как и ожидалось, больше советских мигрантов проживали со своими детьми вместе в одном доме и, следовательно, чаще общались друг с другом. Это подтверждает теорию о людях из бывшего Советского Союза, которые по прибытии в новую страну формируют домохозяйства, где вместе проживают сразу несколько поколений. По-видимому, это является для людей средством оставаться ближе друг к другу и иметь больше общения. Среди советских мигрантов была обнаружена интересная связь между количеством детей и образова-

нием, в которой те, у которых больше детей, были, как правило, менее образованны, и наоборот.

Как и ожидалось, уровень доходов очень отличался между двумя группами. Доход советских мигрантов составлял в среднем на € 600 в месяц меньше, чем доход немцев. Однако интересно то, что, вопреки ожиданиям, доход не был достоверным предсказателем одиночества в любой из двух групп. Несмотря на это, среди советских мигрантов доход имел негативное отношение к одиночеству, подтверждая теорию, что люди с низким доходом более одиноки, чем люди с более высоким доходом.

Удивительно то, что, несмотря на то что статус мигранта является важным предсказателем одиночества, он не является решающей причиной одиночества советских мигрантов как такового. Предсказатели, избранные в этом исследовании, включая размер социальной сети, играют очень небольшую роль в объяснении одиночества. Это указывает на то, что более полный набор предсказателей одиночества среди пожилых мигрантов по-прежнему должен быть найден.

Итак, в соответствии с предположениями советские мигранты оказались значительно более одинокими, чем их немецкие коллеги. И эмоциональный, и социальный уровни одиночества были выше среди советских мигрантов, а размер социальной сети оказался самым большим предсказателем одиночества. Интересной находкой стало то, что для немцев меньший размер сети был связан с более высоким уровнем социального и эмоционального одиночества, в то время как среди советских мигрантов меньший размер сети относился только к более высокому уровню социального одиночества. Удивительно то, что

не было обнаружено различий между размером и составом социальных сетей между двумя группами. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы найти дополнительные предсказатели одиночества среди мигрантов вообще и советских мигрантов в частности.

Литература

- Ajrouch K.* Social Isolation and Loneliness Among Arab American Elders: Cultural, Social, and Personal Factors / K. Ajrouch // *Research in Human Development*, 2008. – № 5(1). – 44–59.
- Angel J.* Age at Migration, Social Connections, and Well-Being Among Elderly Hispanics / J. Angel, R. Angel // *Journal of Aging and Health*. – 1992. – № 4(4). – 480–499.
- Aroian K.* Family Stress and Support Among Former Soviet Immigrants / K. Aroian, A. Spitzer, M. Bell // *Western Journal of Nursing Research*. – 1996. – № 18(6). – 655–674.
- Aroian K.* Gender Differences in Psychological Distress Among Immigrants from the Former Soviet Union. Sex Roles / K. Aroian, A. Norris, L. Chiang. – 2003. – № 48(1/2). – 39–51.
- Cacioppo J.* Alone in the Crowd: The Structure and Spread of Loneliness in a Large Social Network / J. Cacioppo, J. Fowler, N. Christakis // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2009. – № 97(6). – 977–991.
- Jong-Gierveld J. de* Developing and Testing a Model of Loneliness / J. de Jong-Gierveld // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – № 53(1). – 119–128.
- Jong-Gierveld J. de* Cross-national Comparisons of Social Isolation and Loneliness: Introduction and Overview / J. de Jong-Gierveld, B. Havens // *Canadian Journal on Aging*. – 2004. – № 23(2). – 109–113.
- Hofstede G.* Culture's consequences: international differences in work-related values / G. Hofstede. – 1984 (2 ed. Vol. 5): SAGE.
- Höllinger F.* Kinship and Social Networks in Modern Societies: A Cross-Cultural Comparison Among Seven Nations / F. Höllinger, M. Haller // *European Sociological Review*. – 1990. – № 6(2). – 103–124.
- Lai D.* Impact of Culture on Depressive Symptoms of Elderly Chinese Immigrants / D. Lai // *Canadian Journal of Psychiatry*. – 2004. – № 49(12). – 820–827.
- Litwin H.* The Network Shifts of Elderly Immigrants: The Case of Soviet Jews in Israel / H. Litwin // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. – 1997. – № 12. – 45–60.
- Newall N.* Causal Beliefs, Social Participation, and Loneliness Among Older Adults: A Longitudinal Study / N. Newall, J. Chipperfield, R. Clifton, R. Perry, A. Swift, J. Ruthig // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 2009. – № 26(2–3). – 273–290.
- Rokach A.* The Loneliness Experience in a Cultural Context / A. Rokach, M. Sharma // *Journal of Social Behavior and Personality*. – 1996. – № 11(4). – 827–839.
- Safro S.* Immigration Related Psychological Distress Syndrome Associated with Loneliness / S. Safro, P. A., Y. Ginath, M. Ritsner // *European Psychiatry*. – 1996. – № 11(Supplement 4). – 366s–366s(361).
- Shemirani F.* Aging in a Foreign Country: Voices of Iranian Women Aging in Canada / F. Shemirani, D. O'Connor // *Journal of Women & Aging*. – 2006. – № 18(2). – 73–90.
- Tartakovsky E.* The Psychological Well-Being of Unaccompanied Minors: A Longitudinal Study of Adolescents Immigrating From Russia and Ukraine to Israel Without Parents / E. Tartakovsky // *Journal of Research on Adolescence*. – 2009. – № 19(2). – 177–204.
- United Nations.* World Population Ageing: 1950–2050. – New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division, United Nations, 2002.
- Weisman A.* Improving Mental Health Services for Latino and Asian Immigrant Elders. *Professional Psychology: Research and Practice* / A. Weisman, G. Feldman, C. Gruman, R. Rosenberg, R. Chamorro, I. Belozersky. – 2005. – № 36(6). – 642–648.